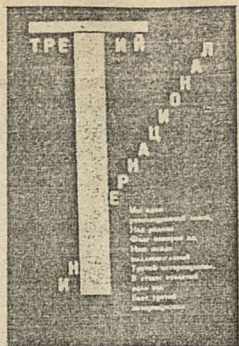

ПОЭТ И ЦАРЬ
ПОЭТ И ЦАРЬ
ПОЭТ И ЦАРЬ
ПОЭТ И ЦАРЬ
ПОЭТ И ЦАРЬ
ПОЭТ И ЦАРЬ
ПОЭТ И ЦАРЬ

А

С наибольшей отчетливостью этот процесс выразился в отзыве Ленина о «150.000.000». Реакция Ленина сейчас общеизвестна: «Вздор, глупо, махровая глупость и претенциозность. По-моему, печатать такие вещи лишь 1 из 10 и не более 1 500 экз. для библиотек и чудаков».

МАЯКОВСКИЙ

Фрагменты

ПОСЛЕДНИЙ

футуризма на Дальнем Востоке. В декабре 1920 г. в «Письме о Пропеткультках» была оглашена партийная оценка футуризма как «нелепого» и «развращенного» — ответом на которую явилось решение Маяковского и других футуристов в январе 1921 г. прокламировать создание второго «Комфута». В ноябре

который

Октябрь не выгорел!

В одном из черновиков появляется мотив будущей встречи поэта с Лениным, ставшим монументом:

Я не окончил речь еще
еще бросались слова ругуны
Ленин
медленно
поднимает вечища
разжимаются губ чугуны
Раскатываясь пустотой города
гулкова
на мрамор цоколя обрушивая вес
загрохотали чугунобуково
ядра выпадающих
пудовых словес.
Садитесь товарищ

был

1920 г. Маяковский жаловался, что чиновники «запрещали все, что было от футуризма» и что он «лично убедился в этом»; в январе 1921 г. он заявил, что его «хождения по мукам в течение трех лет страшно надоели», и повторил, что «за эти три года так уже наклались, что мне это уже надоело». Весной 1921 г. Маяковский публично говорил об угрозе «карачевщины» и предложил в письме к Н.Ф.Чужаку сплотиться в борьбе против нее. 5 апреля того же года он обращался в Комиссию ЦК РКП(б) по делам печати с требованием освободить литературу от «хозяйничания» литературных бюрократов. Ответом на этот шаг поэта и оказалась «резолюция» Ленина 6 мая 1921 г. по поводу «150.000.000».

История с публикацией «Мистерии-буфф», по-видимому, переполнила чашу терпения, и с этого момента поэт начал активнее искать издателя за границей. В начале октября 1921 г. Л.Ю.Брик отправилась в Ригу. Одной из целей этой заграничной поездки (ее первой с 1913 г.) были именно издательские дела. Издателя ей удалось найти, и тот даже послал Маяковскому аванс в Москву. Кроме того, Л.Ю.Брик напечатала статью о Маяковском в русской газете, выходившей в Риге. Статья появилась спустя несколько дней после помещения вышеупомянутого интервью в берлинской газете «Новый мир»; не подлежит сомнению, что эти две публикации внутренне связаны — это были попытки группы Маяковского защититься от нападков на нее в Советской России и одновременно, в условиях НЭПа, искать новых возможностей печататься.

Сами нападки воспринимались Маяковским как поражение идеи «Революции Духа», проповедовавшейся поэтом с весны 1918 г. В октябре 1921 г. он возвращается к ней в поэме «IV Интернационал» (впоследствии переименованной в «V Интернационал»). Примечательно само название поэмы: взамен ленинского третьего Интернационала Маяковский предлагает свой, четвертый интернационал — Интернационал Духа. Возникновение этого произведения явно было связано с событиями 1921 г. и, согласно самому поэту, положило «окончательный» конец его участию в «политической работе».

Подзаголовок «Открытое письмо Маяковского ЦК РКП, объясняющее некоторые его, Маяковского, поступки» свидетельствует о прямой связи между этой поэмой и упомянутым выше прозаическим посланием в Комиссию ЦК. В поэме высказывается опасение, что революция не сумела изменить сознание людей и что коммунисты катятся к «духовной дырке» — отсюда призыв поэта к новой революции, третьей «Революции Духа»:

Кайт Октябрь!

...На первой странице Правды был помещен фельетон Л.С.Сосновского, в котором критик велел положить конец деятельности футуристов, их «неуместным и слишком дорогим для республики шуткам»: «Надеемся, что скоро на скамье подсудимых будет сидеть маяковщина».

ЭТОТ ОСКОРБИТЕЛЬНЫЙ термин в устах высокопоставленного журналиста появился не случайно. Симптомы отрицательного отношения властей к футуризму множились по мере того, как партийное руководство уделяло все больше внимания вопросам культурного строительства. С наибольшей отчетливостью этот процесс выразился в отзыве Ленина о «150.000.000». Сразу по выходе поэмы весной 1921 г. Маяковский послал книжку Ленину с «комфутским приветом». Реакция Ленина сейчас общеизвестна: «Вздор, глупо, махровая глупость и претенциозность. По-моему, печатать такие вещи лишь 1 из 10 и не более 1 500 экз. для библиотек и чудаков». Отзывы Ленина о «150.000.000» и о футуризме были опубликованы только в 1957 г., и неясно было, проведаль ли о них сам поэт.

Окончательную ясность в этот вопрос вносит публикуемое ниже впервые интервью с Маяковским, появившееся в берлинской газете Новый мир 27 октября 1921 г.: поэт знал об отрицательной оценке Ленина. Автор интервью сообщает: «Имя Маяковского у всех на устах. Его хвалят, его ругают, но о нем говорят. Ленин возмущался тем, что Государственное Издательство издало его книгу. А «Правда» придумала бойкот и хлесткое ругательное словечко: «маяковщина».

Примечательно, что слова Ленина сближены в данном интервью с позицией «Правды»; иначе говоря, в кличке «маяковщина» автор интервью усмотрел не индивидуальную словотворческую выдумку Сосновского, а партийную линию. Сам Лев Сосновский (1886-1937) в ту пору был одним из высших партийных функционеров — членом президиума ВЦИК и заведующим Агитпропа ЦК. Произнесенный в

мае личный отзыв Ленина обернулся в сентябре официальным бюрократическим выговором поэту — трудно представить себе, чтобы подобная статья в «Правде» появилась без прямого или косвенного одобрения самого вождя.

Дополнительным подтверждением верховной «авторизованности» нападков на Маяковского служит редкое по откровенности заявление наркома просвещения А.В.Луначарского в «Печати и революции» осенью 1921 г.: «Партия, как таковая, коммунистическая партия[...] относится холодно и даже враждебно не только к прежним произведениям Маяковского, но и к тем, в которых он выступает трубачом коммунизма». Последние слова вторят отзыву Ленина о «150.000.000»: «[...] это очень интересная литература. Это особый вид коммунизма. Это хулиганский коммунизм».

Осуждение поэмы Маяковского Лениным определило ее дальнейшую печатную историю — отдельным изданием она появилась вновь только в 1937 г., после вмешательства Сталина в посмертную судьбу поэта.

На самом деле, отношения Маяковского с властями были натянутыми с самых первых дней революции, а особенно после того, как в 1919 г. футуристы были изгнаны из ИЗО Наркомпроса и печатные органы ИЗО — Искусство коммуны и Искусство — должны были прекратить свое недолгое существование. Попытка Маяковского узаконить независимый статус своей группы провозглашением программы «Революции Духа» и предложением о введении «комфутора» в качестве самостоятельной ячейки в РКП закончилась провалом. В результате этих неудач поэт начал искать возможность печататься вне пределов Советской России, передав в 1920 г. «150.000.000» Р.О.Якобсону, уезжавшему в Прагу, а годом позже послав ту же поэму и «Мистерию-буфф» Н.Ф.Чужаку, глашатаю

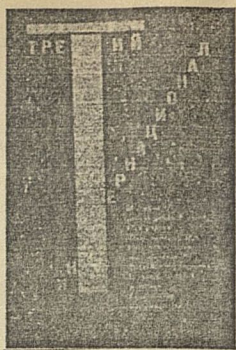
Саркастический оттенок в изображении Ленина сказывается уже в выборе мотива — памятника, огражденного Кремлевскими стенами. В стихах Маяковского статуя всегда выступает с негативной коннотацией, воплощая застывшую неподвижность и косность; отсюда знаменитые «бронзы многопудие» и «мраморная слизь».

Р.О.Якобсон высказал яркую догадку о прямой связи процитированных строк («IV Интернационала» с отзывом Ленина о «150.000.000», видя в строке «носит чушь такую пороть его» (рифмующейся с «Фотиева») перефразировку слов Ленина в адрес наркома просвещения: «А Луначарского сечь за футуризм». «IV Интернационал» — по крайней мере на исходной стадии работы — был задуман как прямой ответ Ленину и должен был рассмотрен на фоне конфликта поэта с партийным руководством в 1921 г. На выговор политического вождя лидер поэтического авангарда ответил стихами, отстаивающими духовное начало революции и право поэта говорить наравне с представителями власти.

Б.АНГФЕЛЬДТ

ПОЭТ И ЦАРЬ
ПОЭТ И ЦАРЬ
ПОЭТ И ЦАРЬ
ПОЭТ И ЦАРЬ
ПОЭТ И ЦАРЬ
ПОЭТ И ЦАРЬ
ПОЭТ И ЦАРЬ

9

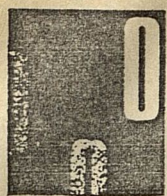
ЛЕНИН — СТАЛИН

ПОЕДИНОК, которого не было

Фрагменты

ПОЕДИНОК, которого не было

Насильственный уход из жизни любого человека, а уж великого тем более, неизменно порождает множество слухов, предположений, версий и т. д. Маяковский — не исключение. Появился уже целый ряд публикаций, авторы которых склоняют читателя к мысли о вмешательстве, как теперь говорят, властных структур в судьбу поэта. Одна из недавних статей такого рода — «Самоубийство Маяковского могли внушить», принадлежащая поэту-литературоведу К.Кедрову.

ДИН из разделов статьи для исследователей творчества Маяковского прозвучит, полагаю, весьма неожиданно: «Поединок со Сталиным». Речь о том, что будто бы «переполнило чашу терпения Победоносикова — Джугашвили» в 1930 г., в год постановки

«Бани».

Сопоставление Сталина с высмеиваемым взрыв бюрократом из сатирической комедии не представляется убедительным. Так же как и пассаж об изымавшихся из поэмы о Ленине строках, в которых энергично опровергается представление о том, что Ленин был «вождь милостию божьей». А завершались строки двуступенчатым: «Я бросал бы в небо богохульства, По Кремлю бы бомбами метал «дой-лой!»

Верно, «дураком Сталин не был». Не был он, однако, и человеком, совсем уж ничего не понимавшим в поэзии (хотя, конечно же, утонченным художественным вкусом не обладал). И экспрессивную метафору-иносказание вполне мог отличить от крамольного призыва к терроризму. Но ведь куда клонит наш автор: «В 1925 году, когда строки эти были написаны (почему в 1925-м, ведь поэма завершена в 1924 году? — В.Б.), он «сделал вид, что поэма ему очень понравилась, но в 30-м году Маяковского надо было убирать во что бы то ни стало. И его убрали».

Увы, между категоричностью этого вывода и системой доказательств — дистанция весьма внушительного размера... Уязвимость позиции К.Кедрова состоит в том, что, тщательно подбирая данные, подтверждающие его версию, и не гнушаясь никакой «мелочью», он обходит другие факты, кои с версией расходятся.

Как тут не вспомнить, к примеру, стихотворение «Домой!» с его известными строками о желании поэта, чтобы о работе стихов на Политбюро делал доклад Сталин. Написано оно было, кстати, в 1925 году, когда сталинское единовластие еще далеко не утвердилось окончательно, и в условиях острой внутрипартийной борьбы слова известного поэта прозвучали как весьма основательная поддержка будущему вождю.

Но дело не только в этих словах, которые часто берутся изолированно от той последовательной программы огосударствления искусства, его большевизации, которую провозглашает в поэзии Маяковский. Это отсюда же — «я хочу, чтоб в дебатах потел Госплан, мне давая задания на год». Но, оказывается, заданий мало. «Я хочу, чтоб над

мыслью времен комиссар с приказанием нависал». И, наконец, еще одно заветное желание: «Я хочу, чтоб в конце работы завком заперал мои губы замком». Процесс планового поэтического производства завершен, а об итогах его — судить Сталину.

Заметим — лидеру партии, а не государства. Маяковский очень хорошо ориентировался в политической конъюнктуре. Может быть, лучше других художников он начинает понимать, что происходит процесс создания небывалого в мире партийного государства.

Мог ли Сталин быть недозволен такой концепцией? Да о большем он и не мечтал!..

В 1929 году Сталин решил добиться «великого перелома» во всем, включая и положение писателя в обществе. Была развернута кампания невиданной травли, направленной против Е.Замятина и Б.Пильняка в связи с публикацией их произведений на Западе (хотя и другие печатались там тоже).

Маяковский не просто поддержал тех, кто «единодушно осудил». Свою точку зрения он сформулировал с присущей ему полемической заостренностью и тем самым, пожалуй, завоевал право на самый печальный, быть может, приоритет. «Повесть о «Красном дереве» Бориса Пильняка (так, что ли?), впрочем, я другие повести и его и многих других не читал», но «в сегодняшние дни густеющих туч это равно фронтовой измене».

Думаю, всем ясно, как могла сложиться судьба писателя, против которого выдвигалось такое чисто политическое обвинение. Б.Пильняка и Е.Замятина спас М.Горький, который один, буквально один выступил в их защиту против «единодушников». И Сталин вынужден был послушать его, потому что он, Горький, был ему нужнее других писателей...

«Обложили со всех сторон», — пишет К.Кедров о Маяковском. Руководствуясь чем, собственно? Чего добиваясь? Устранения наидобросовестнейшего исполнителя деяний, в высшей мере необходимых высшему начальству? 21 января 1930 года, за три месяца до смерти, «обложенный» поэт читает на траурном ленинском вечере в Большом театре третью часть поэмы. «В президиуме — товарищ Сталин, Молотов, Орджоникидзе, Калинин, Ворошилов, Ярославский и др.», —

сообщает пресса, выделив среди участников концерта персонально лишь Маяковского. Первый придворный поэт эпохи построения социалистического общества? Или травимый властью, обложенный, загнанный в угол? Кто он?..

Ну, и уж совершенно непонятно, почему К. Кедров обходит ту итоговую оценку, которую дал Сталин Маяковскому как лучшему, талантливейшему поэту нашей советской эпохи. Столь недвусмысленной оценки вождю показалось мало, и он добавил, что забвение памяти поэта — преступление. То есть раздалась команда к канонизации Маяковского. Напомню, что сталинские слова прозвучали в декабре 1935 года и предваряли они те зна-

НЕ БЫЛО

менитые четыре статьи, начиная с «Сумбура вместо музыки» о Шостаковиче (а потом — о живописи, балете и архитектуре), которые в ходе так называемой кампании по борьбе с формализмом утверждали наступление эры ждановщины в искусстве.

В сложившейся в середине 30-х годов ситуации Сталин использовал имя Маяковского против Горького, с которым после убийства Кирова отношения испортились наконец, и против Бухарина, который на I съезде писателей отдавал предпочтение Пастернаку перед Маяковским...

Сталину надо было, чтоб с Маяковского эти строптивцы писатели брали пример в главном: в послушном выполнении воли всевидящего и всепонимающего руководства.

Я видел задачу этих заметок в том, чтобы выразить свое критическое отношение к версии о насильственном устранении Маяковского...

Что и говорить, в послеоктябрьской истории нашей родины множество страниц, писанных кровью. Не потому ли возникает немалый соблазн трагедию любой крупной личности напрямую связать со злодеяниями тоталитарного режима? Но в таких вопросах излишнее усердие не помогает установлению истины. Факты, только они создают прочный фундамент для превращения гипотезы в концепцию. Превеличенно «обществоведческий» уклон не помогает распутывать сложность жизни.

А у гигантской личности — сугубо свой жизненный ритм, своя индивидуальная судьба и свое право распоряжаться ею.

В. БАРАНОВ
«Известия»

ЗВУКОВЫЕ МЕМУАРЫ

Дувакин: Очень хорошо. Тогда я задам Вам один вопрос. Во всей травле, которая сейчас ведется против Вас, есть такой узловой момент в системе аргументов: Лиля Брик через Агранова, который был ее любовником, не пустила Маяковского в Париж, поэтому у него ничего не вышло с Татьяной Яковлевой и поэтому он застрелился. Вот такой примитивный ход мыслей.

Брик: Ему никогда никто не отказывал в визе.

Дувакин: Это факт?

Брик: Факт. Я даю руку на отсечение. Никогда не было отказа. Мало того, он нам достал разрешение, Осипу Мак-

симовичу и мне, чтобы поехать в Лондон к моей маме. Нас не пускали, больше полгода манежили, разрешение выехать нам не давали. И наконец Маяковский пошел к Кагановичу. Пришел от Кагановича очень веселый, сказал: «Лилечка, какое счастье, когда хоть что-нибудь удается». Он был у Кагановича и сказал там, что нам и не отказывают, и не разрешают. Тот будто бы смеялся очень и написал на заявлении, чтобы нам дали разрешение или визу, я уж не помню. И мы тут же выехали, очень скоро. Так что о том, чтобы Владимир Владимирович не получил визы, не может

быть и речи. Он в любой момент мог поехать, куда он хочет, в любую часть земного шара.

Дувакин: Но это кокет из книжки в книжку, что ему после последней поездки целый год не давали разрешения. В чем причина?

Брик: Да не было этого! Ничего не было!

Дувакин: Хорошо, вот это мне и важно было, чтобы Вы это сказали, потому что Вы нигде об этом не сказали во всеуслышанье.

Брик: Меня никто не спрашивал.